

Е.К.: Как состоялось ваше знакомство? Было ли оно очным или вы уже знали В.Высоцкого заочно, по песням?

Ю.К.: Заочно, по песням я Володю не знал. Встретились, когда я в первый раз пришел на Таганку. Это был шестидесят четвертый год. Вероятно, осень или декабрь... Познакомился с Любимовым. И после спектакля Володя, Хмельницкий, Золотухин стали пить. Тогда не выделил никого — смутно помню, пели вместе, но в другой раз...

Кончился спектакль, мы пошли за куписы, и он там — просто стоял и просто пел. Ни для кого, ни для чего — просто стоял и пел! И это был укол. Как-то все не так: просто человек стоял и ни для кого, ни для чего пел. Светлый-светлый. Молодой. Это настолько ни во что не вписывалось... Как будто человека подглядели.

Е.К.: У многих действительно открытие В.Высоцкого не совпадает с моментом очного знакомства с ним. Он открывался неожиданно, как будто неуловимым движением переходил из одного состояния в другое. Впечатление оставалось сильным. Об этом пишут в своих воспоминаниях А.Демидова и В.Смехов, Л.Филатов и даже И.Высоцкая — первая жена поэта. И сегодня нет-нет, да и печатаются материалы, вдруг совершенно по-новому представляющие нам Высоцкого. Было ли у вас такое открытие?

Ю.К.: Если быть честным, то до самой Володиной смерти я его не понимал, как следует, и настоящего масштаба этой фигуры себе не представлял. А первый его понял и открыл самый старый среди нас, самый мудрый, гениальный человек. Эрдман. Он слушал-слушал его и однажды сказал пророческую фразу: «Этот мальчик скоро всех нас победит»...

Сорок дней после смерти Володы стали для меня совершенно безумными, но и при жизни был один вечер, из тех, о которых я писал потом: «Завывали его меценаты, и едва он начинал петь, как они крились, будто вместо легкого винца хватанули стакан спирту»... Писал, как вы понимаете, изведая на собственном опыте. Почему-то запомнилась дата того вечера (3 февраля), но начисто стерся год. Видимо, было это где-нибудь в конце шестидесятых. Володя впервые спел тогда «Мы вращаем Землю». Впечатление на меня это произвело совершенно невероятное. И до сих пор все повторяется, как только я услышу: «От границы мы Землю вертели назад...» Песня настолько скульптурна, осязаема, что я ее просто вижу перед собой каждый раз, как грандиозный спектакль. Мистерию. Это титанические образы. Это, может быть, самое сильное, что сказано о войне.

Е.К.: Спрашивали вы себя когда-нибудь, откуда у него такое видение войны?

Ю.К.: Знаете, как-то на одном из вечеров его памяти, обращаясь в зал, я спросил: «Какая любимая песня Высоцкого?» Теперь-то все (или во всяком случае все, что хочет) знают, а тогда — нет. «Вставай страна огромная»... Очень хорошо помню, что, когда я это сказал, в зале было стыдливое недоумение. Мол, как же так? Такой человек... А я тогда, кажется, понял, что для него значила эта песня... Я-то ее помню, как песню страшную и одновременно несущую надежду. Что бы ни говорили о тех, кто ее написал (они потом много грешили), но, может, никогда в истории человечества не было больше такой песни, которая бы духовно спасла целый народ. В войну именно с ней приходило полное, без промежуточных инстанций, слияние людей с действительным осознанием абсолютно смертельной опасности, которой подвергались страна и весь мир. Вот это слияние, я понял тогда, для него и было, наверное, идеалом. И «Мы вращаем Землю» — это, может быть, его попытка слиться с тем идеалом. Это его образ войны.

Е.К.: А с чем, по-вашему, вообще связана его способность так пережить войну?

Ю.К.: Здесь, думаю, нужно понять одну вещь. Если бы знали о ней, то никогда б так легко не употребили платон «пере-

жить». Дело в том, что мое поколение, не говоря уж о поколении Высоцкого, считало себя обделенным тем, что не воевало. И когда я, скажем, учился в университете, мальчики, вернувшиеся с фронта, казались нам другом нации, другим племенем. Хотя на самом деле они были старше нас на каких-то два-три года. Потом уже время как-то перемешало всех, но так и осталось так и осталось чертой поколения. Только мы все мучились этим расщепленно, несобранно — страдали, завидовали, а он, как художник, сосредоточил, кристаллизовал наши чувства. И чисто по-человечески это был мужской поступок. Володя понял неосознанно — почувал, что, не погибнув на войне, он не состоит как человек и художник. Это был сон, доведенный до уровня бытия. Что хотите, но у мужика должно быть ощущение: ну, хорошо, повздохай по поводу трех мушкетеров, повздохай по поводу Остапа и Андрия в «Тарасе Бульбе», но хоть раз поступи!

Фото Н.ДЕМЧУКА

У него в конце концов все песни стали поступком. Но их бы не было вовсе, если бы он не погиб на войне. Совершенно невероятное явление: он должен был провоевать и погибнуть, чтоб жить. И в этом смысле он пережил войну.

Е.К.: Война была для него, по-вашему, предельно возможным испытанием, которым он мог проверить себя?

Ю.К.: Я думаю, война была для него самой большой болью, какую только может вынести этот мир. А боль он всегда считал главной в творчестве. Я писал об этом... Году, наверное, в 1978-м или в 1979-м мы репетировали «Преступление и наказание» на Таганке, где он играл Свидригайлова, и в «переменку» вышли на Садовое, стояли, курили. Я удивлялся, как быстро получился у него эта роль. Он ведь был в то время в путешествии каком-то, во Франции что ли, и очень поздно вошел в состав. Я говорю полушуткой: «Слышь, Володя, ничего не понимаю, как ты так быстро врос в роль?» Он помолчал и ответил неожиданно серьезно: «В каждом человеке, кого бы ты ни играл, нужно найти его самое больное место, найти его боль. И играть эту боль. Все остальное — над болью, скрывает ее. Не правда только там, где прорывается боль»...

Е.К.: И выразился он полней всего там, где ему удалось достичь такой правды?

Ю.К.: Да, для меня это: Хлопуша, «Мы вращаем Землю», «Охота на волков» и «Банька побелому». Но Хлопуша — прежде всего! Как он играл! Чисто театрально, вот так бы он и должен был, наверное, сыграть «Мы вращаем Землю»: Хлопуша в цепях, полуголый — это что-то совершенно невероятное, как будто выпадаешь в иную реальность...

Е.К.: Странно, что вы не назвали в этом ряду хотя бы Свидригайлова, ведь он играл его в вашей инсценировке. Кстати, как он попал в нее?

Ю.К.: Он в это время собирался уходить из театра. О причинах я говорить не хочу... А было так. В начале 1978 года у меня шел спектакль по Достоевскому в «Современнике» и только-только начиналось что-то с Таганкой. Я говорю: «Володя, давай съезди в «Современник». Там совершенно фантастически играл Раскольников Костя Райкин. Высоцкий приехал. Мы посмотрели спектакль, поехали к нему. И тут как раз он сказал, что хочет уходить из театра. Я перед ним чуть на колени не встал, умоляя: «Останься и сделай Свидригайлова». Так бывает нечасто, но никого другого в этой роли тогда я просто представить себе не мог. Мне повезло: у него было одно спасительное для меня качество — соревнование с самим собой, азарт. Не знаю, кто или что тому виной, но в конце концов

оглядкой на него. А тут вдруг у нас на глазах началось крушение прежнего миропорядка, и все закрутилось вокруг Володи. Произшел слом планетарной системы, и минуту-две все, как замороженные, смотрели на это, потом Саша — могучий Саша, лев! — почти детским голосом промяукал: «Я так не могу, Юрий Петрович...» И мы хором все завопили: «Да так и надо!»

Е.К.: Как Высоцкий относился к самому себе?

Ю.К.: Знаете, для него вообще, как мне кажется теперь, было характерно какое-то целомудренное, очень мужское сокрытие своего ясного самосознания, своей обязанности до конца исполнить то, к чему он был предназначен.

Е.К.: Многие вспоминают о поразительной способности Высоцкого слушать собеседника...

Ю.К.: Нам приходилось довольно часто вести с ним разговоры о литературе, о культуре. Я говорил больше, он задавал очень

рысть, а какая-то настоящая радость, которую он нес всем нам. Он чувствовал, что он обаятелен, видел, что это замечено, и сразу становился еще больше обаятельным, и так далее, но никогда при этом он не переходил границу навязчивости. И страшно быстро превращался чуть не в чиновника — по отношению к людям непобедимым, посторонним, невлекущим. Притом он не ходил и не разбрасывал свое обаяние. Это было достаточно избранно.

Е.К.: Насколько он бывал скрытным, когда речь заходила о чем-то тяжелом или неприятном, чего было ведь немало в его жизни, особенно в последние годы? Жаловался ли он?

Ю.К.: Мне — ни разу. Но однажды он рассказал историю, которую, как мне кажется, переживал тяжело. Хотя рассказывал в своей обычной манере — полушуткой. «Я, — говорит, — однажды, просыпаюсь и... — в гробу! (Тут надо видеть его физиономию!) Съежился, — рассказывает дальше, — потом один глаз открыл — стенка, потом другой открыл, думаю, что-то не то... Потом сразу сел — в гробу, на столе. Кто-то из остряков пошутил. Так мерзостно... Но он и из этого сумел выжать песню и даже, по-моему, не одну. И потом, после того разговора, у нас некоторое время был свой пароль. Когда мы встречались, Володя всегда сначала расплывался, а потом на ухо — скороговоркой: «Еще — не — в — гробу!»

Е.К.: Для Высоцкого всегда много значил круг общения. Знали вы тот круг, в котором он общался в последние годы?

Ю.К.: Я знал и знаю только одного человека, который очень сильно влиял на него. Человека, который, кстати сказать, мне в нем открыл очень многое, сам того не подозревая, наверное. Потому что при всем том, что я говорил о Володе: что он должен был помереть и выжить на войне, помереть и выжить в лагере, помереть и выжить в русской истории, помереть и выжить в Свидригайлове, — это все так, но это, вроде бы что-то объясняя, все же образует какой-то замкнутый круг. Для меня этот круг прорвался, когда я познакомился с Вадимом Тумановым. Я увидел этот совершенно могучий слиток, корень и понял, что Володя припадал к нему как раненый, больной зверюга. Подключался. Это действительно мужик. Ведь что такое мужик? Мужик — это две вещи: дикий труд... но обязательно красивый труд. И жизнь чтоб как ручей: пьешь и зубы ломит. И сама боль эта сладка. Так в натуре. Но у всех он забывает мутью и с годами — все больше, больше, и уже ручей — не ручей, а не знаю что... Володя, по-видимому, в какие-то моменты умел все бросить и махнуть к Туманову. Вадим — это, если можно так сказать, непонимая Высоцкий. А Володя — пел за него... Недавно у Цветаевой я нашел слова: «Дар души равен дару глагола». Это как будто о них. Они друг друга открыли и отчеканили.

Что еще? Для меня он, младший, оказался еще и учителем. Понимаете, он открыл новую формулу жизни — сделать невозможное, одолеть себя: «Я из повиненья вышел — за флажки: жажда жизни сильней... И остался ни с чем ягеря».

Но... но еще надо очень поработать, чтобы они все остались ни с чем, — «ягеря», чтобы оставить их без реванша.

...ДАР ДУШИ РАВЕН ДАРУ ГЛАГОЛА

В среду и четверг дежурная группа нашей газеты спешит в типографию — идет верстка и выпуск номера в цехе. Типография «Московская правда» находится возле станции метро «Улица 1905 года» — и всякий раз, выйдя из вагона, кому-нибудь да ответишь на вопрос: «В какую сторону идти, чтобы попасть на Ваганьковское кладбище?» И спросишь потом, поняв, что приезжий человек, не удержавшись: «К Высоцкому?» «К Володе...» Как о близком... И что самое главное для нас — на минуту ставших собеседниками — как о живом... «Поклонитесь ему!»

А ведь с того скорбного дня прошло... вечность или мгновение?.. если он до сих пор живет многих живущих и для нас, и для вот этих собеседников — ЮРИЯ КАРЯКИНА, представлять которого вам излишне, и журналиста ЕВГЕНИЯ КАНЧУКОВА.

этот азарт сработал и здесь. У Володи возникла потребность даже не то чтоб сыграть... понять, раскусить еще и этот орешек.

Е.К.: Вы говорили, что он сразу вошел в роль Свидригайлова...

Ю.К.: Не сразу. Но быстро. Было всего три-четыре репетиции, в которые у него, правда, совсем ничего не получалось. Там ведь вся идея спектакля заключена в том, что в своей дуэли Раскольников и Свидригайлов должны быть вопиюще неравноправными. Потому что... Ну, что делать льву с котенком? А вначале Саша Трофимов, игравший Раскольника, настолько вошел в роль, что просто забивал Володю. Мы сидели в темном зале, я что-то вякал о философском смысле дуэли... а у них ничего не получалось. И вдруг Любимов вскочил со своего кресла и разъяренно закричал на Высоцкого: «Да не слушай ты этого Карякина с его там философией! Ты представь себе, что это не Раскольников — мерзавец из Министерства культуры не пускает тебя в Париж! Я настолько... обалдел от такого гениального кощунства, что замолк. Но в предчувствии чего-то. И вот тут произошло... «Сейчас, — сказал он, — сейчас-сейчас, Юрий Петрович». Походил-походил. И вдруг началось... Структура спектакля была схожа с планетарной системой, в центре которой помещался Раскольников, а вокруг него уже вращалось все остальное. Что бы ни происходило на сцене — все шло с

сильные вопросы. Спецификой его восприятия являлась его невероятная впитываемость. Он был, если позволено так сказать, вылитый. Внутри него как бы помещался постоянно работающий духовный магнитофон, который все записывал. При этом Володю отмечала поразительная интеллигентность, состоявшая в том, что он подчеркнуто и, конечно, без унижения какого бы то ни было всегда давал тебе какой-то сигнал о том, что ты, мол, старше, а я — младше, и, соответственно, я веду себя так, а ты — иначе. Он как бы поднимал собеседника, провоцировал на монолог, а сам все это время что-то внутренне записывал, записывал, записывал.

Е.К.: У него были характерные жесты?

Ю.К.: Не помню. В памяти осталось только лицо. Никто так гениально не мог изобразить на лице одновременно целую гамму: от придуривания до... всепонимания, что ли.

Е.К.: Он был обаятельный человек?

Ю.К.: Невероятно. Хотя в конце концов обаяние — это сложная штука. Как его определить? Наверное, это прежде всего открытость. Причем, есть обаяние как бы объективное, когда человек обаятелен помимо воли. А Володя знал, что он обаятелен, и всегда пользовался этим. Но целью подобного пользования была не игра и уж подавно не ко-

КНИГИ ВЛАДИМИРА ВЫСОЦКОГО

Избранное. — М.: Советский писатель, 1988. — 200 000 экз.

Венские каникулы: Киноповесть. — М.: Союзинформкино, 1989. — 500 000 экз. — В соавторстве с Э.Володарским.

Клич: Стихи. — Красноярск: Кн. изд-во, 1988. — 125 000 экз.

Кони привередливые: Стихи. — М.: Правда, 1987. — 80 000 экз. — Библиотека «Огонек».

Не вышел из боя: Стихи, песни, проза. — Воронеж: Центр.-Черноз. кн. изд-во, 1988. — 50 000 экз.; 2-е изд., 1989. — 100 000 экз.

Нерв: Стихи. — М.: Современник, 1981. — 55 000 экз.; 2-е изд., 1982. — 50 000 экз.; 3-е изд., 1988. — 200 000 экз. и 1989. — 50 000 экз.

Нерв: Стихи. — Алма-Ата: Онер, 1988. — 100 000 экз. и 1989. — 100 000 экз.

Нерв: Стихи. — Чебоксары: Чувашкнигоиздат, 1989. — 50 000 экз.

Ни единого буквой не лгу: Стихи и песни. — Киев: Дніпро, 1989. — 120 000 экз.

Песенка ни про что, или Что случилось в Африке: Стихи для детей. — М.: Прометей, 1989. — 200 000 экз.

Поэзия и проза. — М.: Книжная палата, 1989. — 200 000 экз.

Стихи. Проза. — Ашхабад: Туркменистан, 1988. — 400 000 экз.

Стихи и песни. — М.: Искусство, 1988. — 129 930 экз.; 2-е изд., перераб. и расш., 1989. — 100 000 экз.

Четыре четверти пути: Стихи и проза. — М.: Физкультура и спорт, 1988. — 200 000 экз.; 1989. — 50 000 экз. (допечатка тиража) и 100 000 экз. (2-е изд.).

Четыре четверти пути: Стихи и проза. — М.: Изд-во МПИ, 1988. — 30 000 экз.

Я, конечно, вернусь...: Стихи и песни В.Высоцкого. Воспоминания о нем. — М.: Книга, 1988. — 100 000 экз.; 1989. — 50 000 экз. (допечатка тиража).

От редакции. Публикуемые сведения предоставило НПО «Всесоюзная книжная палата».

25 июля в редакцию позвонил директор молодежного объединения «Радуга» при Киевском РК ВЛКСМ Москвы С.Сысуев и сообщил, что за счет средств матери В.Высоцкого — Нины Максимовны Высоцкой и объединения «Радуга» издательство «Прометей» выпустило пятиязычным тиражом книгу Владимира Высоцкого «Свой остров. Песни о море и моряках».